

В. Г. Мирзоев. *Историография Сибири (Домарксистский период)*. М., 1970, 390 стр.

Неоспоримым преимуществом рецензируемого труда В. Г. Мирзоева, уже зарекомендовавшего себя серьезным исследователем сибирской историографии, представляется многоплановость освещения им развития научной мысли на протяжении трех веков — с XVII и до начала XX в. В. Г. Мирзоев поставил перед собой весьма сложную задачу и в целом, несмотря на отдельные промахи, успешно ее решил.

Книга В. Г. Мирзоева может служить также прекрасным справочным пособием для исследователей-сибиреведов самых различных профилей — историков, работающих над историей русского заселения и освоения Сибири, историей географических открытий, историей экономики, этнографов, занимающихся историей аборигенного и русского населения, его бытом и культурой, лингвистов и т. д. Наметив основные этапы историографии, обусловленные господствовавшими в то или иное время общественно-политическими взглядами, В. Г. Мирзоев старается проследить отдельные направления в освещении главных проблем сибиреведения. Он анализирует научное творчество исследователей, в трудах которых история Сибири рассматривалась как часть истории России (В. Н. Татищев, М. М. Щербатов, И. Н. Болтин, Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев); в книге отражены также работы многочисленной плеяды сибиреведов.

Строительное изложение любого исследования всегда зависит от четкой постановки основных вопросов. Во «Введении» В. Г. Мирзоева полно и конкретно представлена проблематика сибирской историографии. Было бы целесообразно сразу же отметить возникновение на отдельных этапах развития сибиреведения различных направлений научных исследований — собственно исторических, этнографических, археологических и т. д. Автор же делает это позднее. Четкость изложения достигается весьма ценными обобщающими вступлениями к каждому разделу книги, характеризующими развитие научной мысли в органической связи с разработкой источниковедческой базы. В первом разделе книги, посвященном состоянию науки в феодальный период, В. Г. Мирзоев справедливо подчеркивает, что основная особенность сибирской историографии состоит в том, что она вышла «из своеобразных народных источников — „отписок“ и „сказок“ первооткрывателей Сибири» (стр. 15). Начало научного изучения Сибири В. Г. Мирзоев относит к XVIII в., к эпохе господства дворянской исторической науки, когда с развитием просвещения «наука перешла к методу непосредственного наблюдения и эксперимента на месте; одним из основных методов ее работы стали путешествия, экспедиции, полевые изыскания» (стр. 47), проводившиеся с большим размахом центральными государственными учреждениями (стр. 48). Выделение этого этапа закономерно, но нельзя согласиться с общей трактовкой предшествующего периода (XVII в.), когда, по мысли В. Г. Мирзоева, проходило только накопление материала, а творчество С. У. Ремезова и особенно Н. Спафария было изживанием старых форм описаний и повествований. «Пример Спафария отразил кризис средневековой учености», а «Труд Ремезова представляет собой переходную ступень от летописного периода сибирской историографии к ее научному этапу», — пишет В. Г. Мирзоев (стр. 35 и 36). В данном случае больше внимания обращается на форму исследования, нежели на его существо. Кризис в науке отражает явления застоя, а в сибиреведении XVII в. таких явлений не наблюдалось. Более того, именно в XVII в. были выдвинуты основные принципиальные вопросы истории Сибири и населявших ее народов и сделаны первые попытки объяснить причины и значение присоединения Сибири к России. Так или иначе, но для Н. Спафария и для С. Ремезова, а тем более для Ю. Крижанича значимость этого события была очевидна и они пытались его осмыслить, а это по существу стало в дальнейшем основной задачей сибирской историографии.

Во втором разделе книги В. Г. Мирзоев дал ряд интересных очерков, посвященных отдельным ученым XVIII в., из которых особенно удались очерки о Г. Ф. Миллере, С. П. Крашенинникове и А. Н. Радищеве. К сожалению, характеризуя творчество Г. Ф. Миллера, автор допускает некоторую противоречивость; справедливо указывая, что Г. Ф. Миллер в некоторых случаях проявлял необычную для того времени научную прорзорливость (стр. 84), В. Г. Мирзоев тут же говорит об отсутствии у него «научного воображения» (стр. 85).

В третьем разделе книги, посвященном началу кризиса дворянской историографии и возникновению буржуазного и демократического направлений, В. Г. Мирзоев объясняет расширение источниковедческой базы в первой половине XIX в. постоянным собиранием, обработкой, описанием и изданием исторических источников (стр. 126), развитием идейного содержания сибиреведения. В этом разделе подчеркнута важное значение этнографических данных о народах, населявших северные и восточные области Сибири, а также западное побережье Америки, полученных в результате многочисленных путешествий, в том числе морских кругосветных; показано начало этнографического изучения и русского населения Сибири (П. А. Словцов, Е. А. Авдеева, С. И. Гуляев) и успехи отечественного

востоковедения (Н. Я. Бичурин, П. Кафаров, Д. Банзаров, Г. Гомбоев). В. Г. Мирзоев правильно подметил одну из наиболее характерных особенностей развития сибирской историографии в это время — исследование края «берут в свои руки местные силы, представители растущей сибирской интеллигенции. Это было новой эпохой в истории изучения Сибири» (стр. 126).

Несомненный интерес представляют несколько содержательных очерков о представителях местной интеллигенции (П. А. Словоцев, Н. А. Абрамове, декабристах (Н. А. Бестужева, Г. С. Батенькова, В. И. Штейнгеле, Д. И. Завалишине), внесших огромный вклад в сибиреведение, в частности в этнографическое изучение народов Сибири; привлекает внимание также интересный очерк о полузабытом ныне авторе — А. П. Степанове, енисейском губернаторе, труд которого о Енисейской губернии, несмотря на его официальную направленность, имел большое значение для историко-этнографического изучения Сибири.

Завершающий книгу четвертый раздел посвящен подъему демократической историографии и кризису буржуазно-дворянского направления (вторая половина XIX в.). В обширном и содержательном вступлении к этому разделу В. Г. Мирзоев отметил как главное «новые методы исследования — не спорадические или периодические наезды с научной целью, а планомерное стационарное изучение огромной страны» (стр. 228), возглавленное Русским географическим обществом и его филиалами в Сибири. «Особенно большое поле деятельности открывалось перед сибирской этнографией» (стр. 229), добившейся благодаря деятельности многочисленных политических ссыльных (И. А. Худяков, Д. А. Клеменц, Л. Я. Штернберг, В. Г. Богораз и многие другие) значительных успехов (стр. 237).

В отдельных очерках последнего раздела автору удалось показать сложность и противоречивость взглядов представителей различных политических направлений — демократов А. П. Шапова и В. И. Семевского, областников — Н. М. Ядринцева, Г. Н. Потанина и др. и полный упадок официального, буржуазно-дворянского направления в науке (В. К. Андриевич и др.). Правда, не всегда можно согласиться с В. Г. Мирзоевым, когда он относит отдельных исследователей к тому или иному направлению. Вряд ли правомерно говорить о научной деятельности Н. Н. Оглобина и Н. Н. Бакая в разделе «Кризис буржуазно-дворянского направления». Беспорно заслуживал отдельного очерка А. А. Кауфман, взгляды которого, отражавшие целое направление в изучении земельных отношений в Сибири, вкратце и очень неполно изложены во вступительном очерке (стр. 259). Во вступлении не нашлось места для П. М. Головачева, сумевшего в своей статье о задачах сибиреведения выдвинуть в 1902 г. ряд плодотворных в научном отношении идей об изучении хозяйственной деятельности сибирского населения.

Книга В. Г. Мирзоева — полезное и нужное пособие, показывающее истоки сибирской историографии, ее развитие на протяжении трех веков и выработывавшиеся в течение этого времени научные традиции. Изучение Сибири издавна было вопросом научной чести России. «Сибиреведение является одним из важных показателей русского вклада в мировую науку», — завершает свою работу В. Г. Мирзоев, подчеркивая особое значение географических, этнографических, археологических и лингвистических открытий отечественных исследователей (стр. 388).

В. А. Александров

Р. Л. Садоков. Музыкальная культура древнего Хорезма. М., 1970, 137 стр. с илл.

В то время как история зодчества и изобразительного искусства Средней Азии была широко освещена в научной печати, музыкальное наследие среднеазиатских народов в значительной мере еще остается «белым пятном» на карте истории мировой культуры. Тем больший интерес вызывает книга Р. Л. Садокова — одна из первых попыток проникнуть в глубь истоков музыкального искусства среднеазиатских народов.

Как пишет автор, книга его «...целиком посвящена характеристике музыкальной культуры древнего Хорезма по произведениям древнего изобразительного искусства» (стр. 10). Этим и определяется содержание исследования, в основной своей части посвященного музыкальным инструментам, изображения которых сохранились в настенных росписях, в изделиях из глины и серебра. Справедливо полагая, что «...музыкальное прошлое — это не только музыкальные инструменты, а весь комплекс древних представлений о музыке» (стр. 34), автор стремился показать место музыки в жизни древних хорезмийцев, ее связь с обрядами и торжественными церемониями, выявить бытовавшие виды музицирования. И всё же книга Р. Л. Садокова — прежде всего о музыкальных инструментах. Говорится «это отнюдь не в осуждение. Изучение музыкального прошлого Средней Азии вполне закономерно начинать с музыкального инструментария, поскольку именно в этой области благодаря археологическим открытиям последних десятилетий накоплен богатый материал.

Чем же располагает исследователь, обратившись к памятникам древнехорезмийской культуры? Оказывается, количество изображений не так велико — всего 19. Но важно, что эти изображения позволяют воссоздать струнные, духовые и ударные инструменты древнего Хорезма.